

18+

АЛЕХАНДРО РАМЗЕС

ХРОНИКИ ПЕСОЧНЫХ ВРАТ

ТАНЕЦ ГОРНЫХ ДЖИННОВ

Алехандро Рамзес

**Хроники песочных врат:
танец горных джиннов**

«Издательские решения»

Рамзес А.

Хроники песочных врат: танец горных джиннов / А. Рамзес —
«Издательские решения»,

Обычная студентка Самира даже не подозревала, что старинный браслет откроет ей путь в мир, где древние легенды стали реальностью. Здесь пробуждаются Горные Джинны, вулканы извергают разрушительную силу, а судьба целого народа зависит от одной девушки. Чтобы закрыть Песочные Врата и остановить надвигающуюся катастрофу, ей предстоит пройти через беспощадные пустыни, древние крепости, смертельно опасные леса, раскрыть тайну своего происхождения и сделать выбор, который изменит два мира навсегда

© Рамзес А.

© Издательские решения

Содержание

ХРОНИКИ ПЕСОЧНЫХ ВРАТ: ТАНЕЦ ГОРНЫХ ДЖИННОВ	6
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	24
ГЛАВА 6	29
ГЛАВА 7	35
ГЛАВА 8	41
ГЛАВА 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Хроники песочных врат: танец горных джиннов

Алехандро Рамзес

© Алехандро Рамзес, 2026

ISBN 978-5-0071-0414-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ХРОНИКИ ПЕСОЧНЫХ ВРАТ: ТАНЕЦ ГОРНЫХ ДЖИННОВ ПРОЛОГ ПАДЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Москва. Осень. Холодный дождь барабанил по жестяным отливам старого дома в Лаврушинском переулке, заглушая тиканье бесчисленных часов, заполнявших квартиру. Самира, двадцатилетняя студентка-историк, сидела на корточках перед раскрытым бабушкиным сундуком, который не открывали лет десять. Пахло нафталином, старыми бумагами и ещё чем-то неуловимо древним, горьковато-сладким, напоминающим иссушенную полынь.

— Ба, ты уверена, что тут нет ничего ценного? — крикнула она через плечо, перебирая стопки выцветших фотографий, перевязанных лентами, и пожелтевшие кружевные салфетки.

Из соседней комнаты донёсся скрипучий голос бабушки, Марьи Петровны: — Ищи, ищи, милая. Я своё уже отыскала. Может, найдёшь что для себя. Там, в самом низу, ещё дедова мать что-то прятала. Говорят, из самого Кисловодска привезла, когда революция грянула.

Самира фыркнула. Кисловодск. Кавказ. Курорты. Что там могло быть ценного? Её пальцы наткнулись на что-то твёрдое, завернутое в несколько слоёв пожелтевшей от времени газеты. Она аккуратно развернула свёрток и замерла.

На её ладони лежал браслет. Не похожий ни на одно украшение, которое она видела прежде. Широкое, искусно сплетённое кольцо из тускло мерцающего металла — не то серебро, не то платина — было инкрустировано мельчайшими шестерёнками, зубчатыми колёсиками, стрелками, похожими на те, что украшают старинные часы, но гораздо тоньше и изящнее. В прозрачные капсулы, вплавленные в металл, был заключён песок. Не обычный, речной или морской. Этот песок переливался глубоким синим цветом, как далёкая звезда, и, казалось, медленно, едва заметно перетекал внутри своих стеклянных темниц, повинаясь какому-то неведомому ритму.

Сердце Самиры пропустило удар. Она поднесла браслет ближе к свету настольной лампы. Шестерёнки блеснули. Одна из них, самая маленькая, чуть дрогнула. Дрожь прошла по руке девушки, будто слабый электрический разряд.

— Ничего себе... — прошептала она.

В голове мелькнуло смутное, почти забытое воспоминание: бабушка рассказывала, когда-то о прабабке, которая якобы умела «чуять время» и лечить травами, собранными в определённые часы. Самира тогда считала это сказками.

Она осторожно надела браслет на запястье. Металл, холодный на ощупь, вдруг словно ожил, подстроился под изгиб кости, стал чуть тёплым. Шестерёнки зашевелились активнее, издавая едва слышный, высокий перезвон. Синий песок в капсулах заметался, закружился в миниатюрных вихрях.

И в тот же миг за окном полыхнуло.

Не просто молния — ослепительный, неестественно яркий, фиолетово-белый разряд ударил прямо в дом. Гром грянул не с неба, а будто из-под земли, сотрясая стены. Лампочка в люстре взорвалась с сухим треском, комната погрузилась во тьму, прорезаемую лишь бешеным синим свечением браслета.

— Бабушка! — крикнула Самира, вскакивая, но голос её потонул в нарастающем гуле, заполнившем всё пространство.

Воздух сгустился, стал вязким, как смола. Стены комнаты поплыли, размылись, превращаясь в круговорот серых, бесформенных теней. Самира почувствовала, как её подхватывает неведомая сила, отрывает от пола, кружит в бешеном водовороте. Перед глазами замелькали обрывки образов: чёрные пики гор, залитые багровым светом, небо, прошитое огненными стрелами, чьи-то искажённые криком лица, огромный, дышащий жаром кратер... И тихий, щемящий голос, произнёсший прямо в сознании: «Иди. Ты должна».

Падение было долгим и мучительным. Тело словно разбирали на атомы и собирали заново. А когда всё прекратилось, она ударилась обо что-то твёрдое, горячее, выбившее из лёгких весь воздух.

Она лежала на чём-то шершавом, остро пахнущем серой и гарью. В ушах стоял звон. Сквозь него пробивался глухой, непрерывный гул, похожий на дыхание гигантского зверя. Самира с трудом разлепила глаза.

Она была на склоне горы. Нет, не горы — вулкана. Огромный, тёмный конус уходил в самое небо, которое здесь было не московским, свинцовым, а каким-то низким, тяжёлым, подсвеченным изнутри багровым заревом. Из жерла вулкана поднимался столб дыма и пепла, и временами оттуда вырывались яркие всполохи — не молнии, а сама раскалённая лава, пульсирующая, как кровь в гигантской артерии. Карадаг. Название всплыло в памяти само собой, будто она всегда его знала.

Рядом, в нескольких шагах от неё, зияла пропасть, на дне которой клочкотала и шипела огненная река. Самира попыталась встать, но тело не слушалось, дрожало от пережитого шока. Она посмотрела на руку. Браслет был на месте. Синий песок внутри успокоился, перетекал медленно и ровно, а стрелки-шестерёнки замерли, указывая... прямо на вулкан.

Грохот раздался внезапно и оглушительно. Скала в десятке метров от неё взорвалась, разлетевшись градом раскалённых обломков. Из облака пыли и пара выступила фигура. Она была огромна — метра три в высоту, не меньше. Её тело казалось вылепленным из самого кошмара: сплав текущей, ослепительно яркой лавы и чёрного, потрескавшегося, как старое стекло, обсидиана. В щелях между каменными пластинами бушевало белое пламя. Головы как таковой не было — только вытянутое наверху, в котором горели два бездонных провала, полных мерцающей, холодной, нечеловеческой звездной пыли. Существо сделало шаг, и камень под ним оплавился, оставив дымящиеся следы. Дух Просвета.

— Чужая! — голос его был подобен скрежету тысяч каменных жерновов, от которого закладывало уши. — Ты не из нашего времени! Твоя кровь остудит гнев Карадага!

Огромная, похожая на клешню рука, из которой сочился жар, метнулась к ней.

Самира закричала, но крик застрял в горле. Она зажмурилась, ожидая неминуемой гибели.

— Прочь!

Резкий, властный женский голос. Сильные руки схватили Самиру за плечи и рванули в сторону, едва не сбросив в пропасть, но выдернув из-под смертоносного удара. Самира пока- тилась по камням, больно ударяясь локтями и коленями, и лишь когда остановилась, смогла увидеть свою спасительницу.

Это была женщина. Лет сорока, с резкими, словно высеченными из того же камня, что и горы, чертами лица. Седые волосы, непривычно длинные, были собраны в тугий узел на затылке, открывая серебряные подвески в ушах — они позвякивали при каждом движении. Одетта она была в простую, но прочную одежду: тёмный стёганный кафтан поверх кольчуги с мелкими кольцами, кожаные штаны, высокие сапоги. В руке её полыхал короткий клинок, но пламя на нём было не оранжевым, а ярко-белым, режущим глаз.

— Беги! — крикнула женщина, не оборачиваясь. — Вниз, к реке! К Аракулу! Скажи Марату: Джамиля зовёт Горных Братьев! Проснулся Гнев! Беги же!

Дух Просвета взревел и снова занёс свою огненную клешню. Женщина, Джамиля, взмах- нула клинком, выпуская сноп белого пламени прямо в грудь чудовищу. На мгновение оно замерло, ослеплённое. Этого хватило, чтобы Джамиля оттолкнула Самиру к узкой, едва замет- ной тропе, уходящей вниз по склону.

— Беги, кому говорю! — и снова кинулась на Духа, её клинок описал в воздухе огненную дугу.

Самира больше не колебалась. Страх придал сил. Она вскочила и, спотыкаясь, скользя по осыпающимся камням, бросилась вниз по тропе. За спиной грохотала битва, слышались ярост- ные крики женщины и рев чудовища. Воздух наполнялся запахом гари, плавящегося камня и ещё чем-то сладковатым, тревожным.

Высоко в небе, над дымящимся кратером Карадага, Самира успела заметить огромную птицу. Горный орёл, царь этих мест, сделал круг над схваткой и, пронзительно крикнув, поле- тел в ту же сторону, куда бежала она — вниз, к долине, где за каменными стенами прятался Аракул.

Самира бежала, не чувствуя ног, сжимая на запястье странный браслет, который привёл её в этот кошмар. Сердце колотилось, где-то в горле, а в голове пульсировала одна мысль: «Что это за место? И как мне отсюда выбраться?»

ГЛАВА 1

АРАКУЛ В ОГНЕ

Тропа, по которой бежала Самира, оказалась коварной. Узкая, местами не шире её стопы, она вилась по самому краю обрыва, и каждый неверный шаг грозил падением в пропасть, где внизу клочкотала и шипела, приближаясь, огненная река. Лава уже не просто текла — она наступала, пожирая редкие кусты и камни, оставляя после себя дымящуюся, черную корку. Воздух раскалился, дышать становилось всё труднее.

Самира бежала, спотыкаясь, хватаясь руками за острые выступы скал, сдирая кожу в кровь, но не чувствуя боли. Адреналин гнал её вперёд, единственное желание — уйти от этого ужаса, спрятаться, найти убежище. За спиной всё ещё слышались приглушённые расстоянием раскаты битвы, но постепенно они стихали, сменяясь ровным, зловещим гулом вулкана.

Тропа неожиданно расширилась, вывела на каменистое плато, и Самира чуть не упала, споткнувшись о торчащий из земли корень. Перед ней, наконец, открылся Аракул.

Это был не просто аул. Это была крепость, вросшая в скалу. Высокие, сложенные из огромных, тёмных валунов стены, казалось, вырастали прямо из горного склона. Угловые башни, остроконечные, как зубы дракона, вонзались в низкое, багровое небо. Над стенами, укутанные пеленой дыма, виднелись плоские крыши домов, а выше всех, на самом верху скалы, белел острый минарет мечети, отчаянно и гордо тянущийся к небу, словно молитва о спасении. Через село, разрезая его на две части, серебряной лентой змеилась река Азау — единственное, что здесь ещё казалось живым и спокойным.

Но идиллия была обманчива. Над аулом висела тревога, густая, как тот самый дым, что валил из труб пожаров. Самира услышала крики, звон металла, плач детей. На стенах суетились люди, одни тащили тяжёлые котлы, другие натягивали луки, третьи сбрасывали вниз какие-то тюки. А с другой стороны, откуда она пришла, надвигалась беда.

Лава уже достигла подножия скалы, на которой стоял Аракул. Шипя и клочоча, она лизала каменное основание западной стены, вздымая клубы пара. И над этим огненным морем, прямо в воздухе, одна за другой начали проступать знакомые, чудовищные фигуры. Духи Промысла. Их было трое. Они материализовались из жара и дыма, их тела — сплав лавы и обсидиана — светились изнутри адским светом, а пустые глазницы с мерцающей звездной пылью были направлены на аул. Они не двигались, просто висели в воздухе, набираясь силы. Ждали.

— Ворота! Открывайте ворота! — закричал чей-то голос откуда-то снизу.

Самира заметалась. Куда бежать? Где здесь вход? Она кинулась вдоль стены, ища хоть какую-то щель, дверь, проход. И нашла — массивные деревянные ворота, окованные железом, с тяжёлым засовом. Но они были закрыты. Она заколотила в них кулаками, но её слабые удары потонули в общем гуле.

— Помогите! Откройте! — закричала она, задыхаясь.

Ворота неожиданно приоткрылись ровно настолько, чтобы мог протиснуться человек. Из щели высунулась голова в остроконечном шлеме, блеснули злые, испуганные глаза.

— Кто такая? — рявкнул воин.

— Меня Джамиля послала! — выпалила Самира первое, что пришло в голову. — К Марату! Гнев проснулся!

Воин мгновенно побледнел, но спорить не стал. Он рванул створку, впуская Самиру внутрь, и тут же захлопнул её, набрасывая тяжёлый засов.

Внутри Аракула хаос достиг апогея. Самира оказалась на узкой улочке, мощёной камнем, которая круто поднималась вверх. Мимо неё, обгоняя, пробежали мужчины в кольчугах и стёганных куртках, с саблями и луками в руках. Женщины в ярких платьях, подоткнув подолы, тащили ведра с водой к месту, где уже загорелась крыша одного из домов — искры от лавы долетали и сюда. Дети, серьёзные не по годам, сновали между взрослыми, помогая таскать кувшины и перевязывать раненых.

— Куда ты, чужая? — воин, впустивший её, схватил Самиру за локоть. — Марат на годекане! За мной!

Он потащил её вверх по улочке, расталкивая локтями спешащих людей. Они выбежали на центральную площадь — годекан. Это было ровное, вымощенное камнем пространство в центре аула, окружённое самыми красивыми домами с резными балконами. В центре площади стоял массивный каменный трон, покрытый древней резьбой, — место, откуда старейшины вершили суд. Сейчас он был пуст.

Рядом с тронном, на невысоком помосте, стояла группа людей. В центре, опираясь на посох из чёрного, отполированного до блеска дерева, возвышался старец. Его длинная белая борода ниспадала на грудь, такие же белые, как лунь, волосы были перехвачены простым кожаным ремешком. Лицо его, изрезанное глубокими морщинами, казалось высеченным из того же камня, что и стены Аракула, но глаза — тёмные, пронзительные — горели живым, тревожным огнём. Это был Марат.

Рядом с ним стоял другой старик, ниже ростом, но шире в плечах. На нём была огромная, лохматая каракулевая папаха, съехавшая на затылок, и тяжёлая, грубая бурка из тёмной шерсти. Его лицо, скрытое глубокими складками и седыми, свисающими усами, было непроницаемо. Маленькие, глубоко посаженные глаза внимательно, но безо всякого выражения, скользили по площади, по стенам, по лицам людей. Он не произносил ни слова, лишь изредка перебирал пальцами рукоять простого кинжала с нефритовой вставкой, заткнутого за пояс. Рамазан.

— Марат! — крикнул воин, подталкивая Самиру вперёд. — Эта чужая говорит, от Джамили весть!

Имя Джамили произвело эффект разорвавшейся бомбы. Марат вздрогнул и резко повернулся, впившись взглядом в Самиру. Даже невозмутимый Рамазан чуть приподнял голову.

— Говори, — голос старца был низким, но неожиданно сильным.

— Она сказала: «Проснулся Гнев», — выдохнула Самира, чувствуя, как от усталости подкашиваются ноги. — И послала меня к вам. А там... там Дух... она с ним сражается...

Марат переглянулся с Рамазаном. В этом коротком взгляде промелькнуло что-то, чего Самира не поняла — давняя боль, вина, понимание.

В этот момент земля под ногами содрогнулась. Сильнее, чем прежде. Стоящие на площади люди вскрикнули, многие попадали. С западной стены донесся оглушающий грохот, смешанный с шипением и треском.

— Лава прорвала нижний пояс! — закричал кто-то с башни. — Духи! Они идут!

Над стеной, там, где только что клубился дым, взметнулись три огромных, светящихся силуэта. Духи Просвета перестали ждать. Они атаковали.

Первый Дух, самый огромный, обрушил свой раскалённый кулак на створку главных ворот. Металл застонал, дерево затрещало, но выдержало. Второй ударил лучом ослепительного света прямо в одну из башен. Каменная кладка взорвалась, разбрасывая во все стороны раскалённые обломки, и часть башни рухнула вниз, погребая под собой защитников. Третий Дух, самый быстрый, уже взбирался по стене, его когти, похожие на раскалённые крючья, впились в камни.

На стенах началась паника. Лучники выпустили тучу стрел, но те, не долетев до цели, сгорали в адском жаре, окружающем чудовищ. Кто-то попытался лить кипящее масло, но Дух лишь отряхнулся, и масло испарилось, не причинив вреда.

— К стене! Все к стене! — заревел Марат, но его голос тонул в грохоте. Рамазан, не говоря ни слова, уже бежал к лестнице, ведущей на боевую площадку, на ходу вытаскивая свой нефритовый кинжал, который вдруг засветился слабым, голубоватым светом.

Самира стояла, парализованная ужасом. Она смотрела, как на стене гибнут люди. Одного лучника луч Духа обратил в пепел за долю секунды. Другого, молодого парня, схватила клешня и сбросила с высоты на острые камни внизу.

И вдруг браслет на её руке взвыл. Не просто засветился — именно взвыл, издав высокий, пронзительный звук, от которого заложило уши. Синий песок внутри закрутился бешеным вихрем, шестерёнки завертелись с такой скоростью, что слились в одно сплошное сияющее кольцо. Самира почувствовала, как её руку, словно кто-то дёрнул за нитку, поднялась сама собой, направившись прямо в сторону самого опасного Духа, того, что ломился в ворота.

Она не думала. Она не понимала, что делает. Просто ужас, отчаяние и внезапная, слепая ярость против этих чудовищ, убивающих людей, выплеснулись наружу, сконцентрировались в той точке, где синий свет встречался с реальностью.

Из браслета, из его самого центра, ударил луч. Не огненный, не ледяной. Это был сгусток чистой, ослепительной синевы, тонкий, как игла, и невероятно яркий. Он пронёсся через всю площадь, через стены, и вонзился прямо в сияющую сердцевину груди Духа, ломавшего ворота.

Мгновение — и чудовище замерло. Его тело, сплетение лавы и обсидиана, содрогнулось. Из точки попадания луча пошли трещины, заполненные всё тем же пронзительным синим светом. Потом — ослепительная вспышка. Грохот, как от разбитого гигантского зеркала. Дух Просвета взорвался изнутри. Волна невыносимого жара и ослепляющего света прокатилась по стене, сбивая людей с ног. На месте чудовища осталась лишь груда оплавленного, дымящегося камня и чёрного стекла.

Тишина. Гулкая, оглушительная. Даже лава, казалось, на мгновение притихла. Все — воины на стенах, люди на площади, Марат, застывший на полпути к лестнице, — устали на Самиру. На её руку. На браслет, который теперь тихо потрескивал, остывая, синий песок внутри успокаивался, возвращаясь к своему медленному, мерному течению.

Марат первый нарушил тишину. Он медленно, тяжело, словно нёс на плечах всю тяжесть гор, подошёл к Самире. Его тёмные глаза, полные невыразимой смеси ужаса, надежды и благоговения, остановились на браслете. Дрожащей рукой он коснулся его, но не посмел притронуться.

— Знак Времени... — прошептал старец, и голос его дрожал. — Он вернулся. Вернулся к носителю... Дочь Забвения... Пророчество истинно. Ты пришла.

Самира смотрела на свои руки, не веря, что это сделала она. Два оставшихся Духа, увидев гибель собрата, на мгновение замерли в нерешительности. А потом, словно по команде, отступили, спустившись за стену, скрывшись в клубах дыма и лавы. Атака была отбита. Но Самира понимала — это лишь начало.

ГЛАВА 2

КАМЕННЫЕ ДЕТИ

После того, как стихли отголоски взрыва, разрушившего Духа, и дым от оплавленного камня немного рассеялся, площадь Аракула застыла в звенящей тишине. Все взгляды — воинов на стенах, женщин, прижимающих к себе детей, стариков, вышедших из укрытий — были прикованы к Самире. Она стояла, всё ещё сжимая руку с браслетом, чувствуя, как от неё исходит слабое, пульсирующее тепло. Ей было страшно, холодно и одновременно странно спокойно, будто она наконец перестала быть просто зрителем в чужом кошмаре.

Марат, тяжело опираясь на посох, приблизился к ней. Его лицо, изборождённое морщинами, выражало не просто удивление, а глубочайшее потрясение. Он смотрел на браслет так, будто видел призрак.

— Знак Времени, — повторил он тихо, почти шёпотом. — Тот самый, что носил..., носили Горные Братья в древности. Я думал, он утерян навсегда.

Самира хотела что-то сказать, но язык не слушался. Вместо этого она лишь покачала головой, показывая своё непонимание.

Марат вздохнул, глубоко и тяжело, и повернулся к людям. Голос его, усиленный привычкой повелевать, прокатился над площадью:

— Слушайте все! Дочь Забвения, о которой говорило Пророчество Каменных Детей, явилась к нам! Она принесла Знак Времени! Это знак, что мы не оставлены! Что у нас есть надежда!

Ропот пробежал по толпе. Кто-то упал на колени, кто-то, наоборот, сжал кулаки с недоверием. Старуха в чёрном, та самая, что помогала таскать воду, перекрестилась и зашептала молитву. Воины на стенах, ещё не оправившиеся от боя, переглядывались. Но в их глазах, помимо усталости и страха, зажглась искра — искра надежды.

— В башню, — приказал Марат, обращаясь к Самире. — Тебе нужно отдохнуть и узнать правду. Всю правду.

Он повёл её через площадь, мимо каменного трона, к высокой угловой башне, прилепившейся к восточной стене. Рамазан молча следовал за ними, его тяжёлые шаги и сопение создавали странный контраст с торжественностью момента.

Внутри башни было прохладно и полутемно. Узкие бойницы пропускали мало света. Вдоль стен стояли сундуки, на грубых деревянных полках — свитки и книги в кожаных переплётах. Пахло сухими травами, старой бумагой и ладаном. Марат усадил Самиру на низкую скамью, покрытую войлоком, сам сел напротив. Рамазан остался стоять у двери, как бессменный страж.

— Ты не знаешь, где ты и что происходит, — начал Марат, не спрашивая, а утверждая. — Это не твой мир. Ты пришла из-за грани, из другого времени, другого места. Знак Времени привёл тебя. Он всегда приводит тех, кто должен.

Самира кивнула. Говорить всё ещё было трудно, но она понимала каждое слово.

— Карадаг, — продолжал старец, — наш вулкан, наш проклятый и благословенный. Он не просто гора. Он тюрьма. Тюрьма для Того, Кто Был Прежде. Для великого духа, что правил этими горами до людей. Наши предки, Горные Братья, испугались его силы и заточили его в недрах Карадага. Но заточение было жестоким, цепи — из чёрной звездной пыли, что жжёт его и по сей день. И теперь его гнев, накапливаемый веками, вырывается наружу. Духи Просвета — это порождения его боли и ярости. Лава — его слёзы.

— Но вы говорили о пророчестве... — прошептала Самира.

— Да. Каменные Дети, те, кто рождается с даром чувствовать камень и время, хранят пророчество. В нём сказано: «Когда гнев Карадага станет невыносим, явится Дочь Забвения с чужим именем, но с родной кровью в жилах. Она принесёт Знак Времени, и либо освободит, либо умиротворит его». Выбор будет за ней.

— Но я не... я ничего не знаю! — воскликнула Самира. — Я просто нашла браслет...

— Знак выбрал тебя. Этого достаточно.

Дверь башни со скрипом отворилась, и на пороге появилась девушка. Молодая, стройная, с длинной тёмной косой, перекинутой через плечо. Одетта она была в простой стёганный жилет поверх длинной рубахи и широкие шаровары, заправленные в мягкие сапожки. На поясе висел изящный ятаган с рукоятью из зелёного нефрита. Глаза её, большие и тёмные, горели живым любопытством и беспокойством.

— Камила, — представил её Марат. — Моя внучка. Она будет заботиться о тебе.

Камила подошла, внимательно осмотрела Самиру, особенно её руку с браслетом, и улыбнулась. Улыбка у неё была тёплая, располагающая.

— Пойдём, я покажу тебе аул и дам чистую одежду. Отдохнёшь, а потом Марат расскажет всё, что нужно знать.

Она вывела Самиру из башни. Снаружи суeta уже немного улеглась. Женщины тушили последние очаги пожаров, воины перевязывали раненых, дети собирали разлетевшиеся вещи. На западе, за стенами, всё ещё полыхало багровое зарево, и доносилось глухое ворчание вулкана, но пока было тихо.

Камила привела Самиру в небольшой, аккуратный дом с плоской крышей, утопающий в зелени небольшого сада. Внутри было чисто и уютно: на полу лежали домотканые коврики, у стены — низкая деревянная кровать, застеленная стёганным одеялом. Камила принесла кувшин с водой, таз, чистую одежду — простую рубаху и шаровары из мягкой шерсти.

— Отдыхай, — сказала она. — Вечером приходи на годекан. Будет совет. Там ты увидишь всех, кто будет решать нашу судьбу. И... увидишь Хасана.

— Хасана? — переспросила Самира.

— Каменного ребёнка. самого сильного из нас, — в голосе Камила прозвучала смесь уважения и жалости. — Он... особенный. Ты поймёшь, когда увидишь.

С этими словами она вышла, оставив Самиру одну.

Девушка умылась, переоделась, чувствуя, как чистая одежда и вода смывают с неё не только грязь, но и часть страха. Она прилегла на кровать, но сон не шёл. Мысли путались. Браслет на запястье слабо светился, успокаивая. Она думала о словах Марата, о пророчестве, о своей нелепой роли в этом кошмаре. И о том, что где-то там, за стенами, осталась Джамиля — женщина, спасающая её жизнь. Жива ли она?

Вечер наступил быстро. Солнце, скрытое дымной пеленой, окрасило небо в мрачные багровые тона. На годекане, у каменного трона, собрались люди. Горели факелы, отбрасывая пляшущие тени. Марат восседал на троне, рядом стояли Рамазан и ещё несколько старейшин в тёмных одеждах. Воины с оружием наготове окружили площадь.

Самира вышла из дома, и Камила сразу взяла её под руку, подвела к трону. Люди расступались перед ними, провожая Самиру взглядами — любопытными, настороженными, надеющимися.

Вдруг в толпе произошло движение. Кто-то вскрикнул, кто-то отшатнулся. По живому коридору, образованному людьми, медленно шёл юноша.

Он был худ, бледен, одет в простую, мешковатую одежду, скрывающую его тело. Но самое поразительное были его глаза. Они светились. Не просто блестели, а именно светились изнутри холодным, серебристым светом. Зрачков в них не было видно — только ровное, мерцающее сияние, как у горного озера в лунную ночь. Вокруг него, казалось, воздух был плотнее, тяжелее. Камила инстинктивно сжала руку Самиры.

— Хасан, — прошептала она.

Юноша остановился в нескольких шагах. Его светящиеся глаза встретились с глазами Самиры. Она почувствовала странное давление в висках, будто кто-то пытался заглянуть ей в душу. Браслет на её руке дрогнул и затеплился сильнее.

— Ты пришла, — голос Хасана был тихим, но отчётливым. — Я слышал тебя. Слышал, как кричали камни, когда ты шла.

— Я... не понимаю, — честно призналась Самира.

— Камни помнят всё, — пояснил он. — всю боль, весь гнев, всю историю. Они рассказали мне о тебе. О том, что ты не отсюда. И о том, что у тебя есть это, — он кивнул на браслет. — Знак Времени.

Он медленно протянул руку, не касаясь, но его пальцы, покрытые мелкими, едва заметными трещинками, словно у старого камня, прошли в сантиметре от браслета. Тот отозвался слабой вибрацией.

— Он знает тебя. Ты связана с ним, — заключил Хасан. — Это хорошо. Или плохо. Время покажет.

Он отступил, смешался с толпой, и свет его глаз погас, скрытый тенями. Люди вокруг зашептались. Самира стояла, потрясённая. Этот юноша с пугающими глазами и тихим голосом внушал одновременно страх и доверие. Он был частью этого мира, его тайной и его болью.

Марат поднял руку, призывая к тишине.

— Дочь Забвения здесь, — провозгласил он. — Знак Времени с ней. Это наша надежда. Но гнев Карадага не ждёт. Духи Просвета отступили лишь на время. Мы должны действовать. Завтра на рассвете отряд отправится в Лес Шепчущих Теней к Кемалю. Только он знает путь к Храму Времени, где спрятан Артефакт Рассвета — единственное, что может усмирить вулкан.

— Кто пойдёт? — спросил один из старейшин.

— Я пойду, — неожиданно для себя сказала Самира. Голос её прозвучал твёрдо, хотя внутри всё сжималось. Она не знала, почему это сказала. Может, потому что чувствовала себя обязанной этим людям, спасшим её. Может, потому что браслет на руке не давал покоя, требуя действия.

Марат посмотрел на неё с одобрением. Камила сжала её локоть крепче.

— Хасан пойдёт с тобой, — сказал старец. — Его дар нужен в Лесу. И четверо наших лучших воинов. Камила останется в ауле, будет помогать с обороной.

Камила хотела возразить, но промолчала, лишь опустила глаза.

Совет продолжился обсуждением деталей, но Самира уже почти не слушала. Она смотрела на дымящийся в ночном небе Карадаг, на его багровое зарево, и чувствовала, как браслет на руке пульсирует в такт её сердцу. Впереди был Лес Шепчущих Теней, загадочный Кемаль, Храм Времени и... возможно, ответы на вопросы, которые она даже не успела задать.

ГЛАВА 3

СОВЕТ СТАРЕЙШИН

Ночь опустилась на Аракул тяжёлым, душным покрывалом. Багровое зарево Карадага окрашивало края туч в зловещие тона, и даже звёзды, кажется, потускнели, прячась от этого недоброго света. В воздухе висел запах гари, пепла и страха — густой, осязаемый, въедающийся в одежду и волосы.

После совета на годекане, где было решено отправить отряд к Кемалю, Марат пригласил Самиру и нескольких старейшин в свою башню для более детального обсуждения. Камила принесла кувшин с травяным отваром и глиняные плошки, расставила их на низком столике. Рамазан, как всегда бессловесный, занял место у входа, его огромная фигура в бурке казалась частью каменной стены.

В башне собрались: сам Марат, опиравшийся на посох, но сохранявший удивительную для его возраста бодрость; Аслан — коренастый воин с густой чёрной бородой и шрамом через левый глаз, тот самый, что командовал обороной западной стены; Зара — молодая женщина с бледным лицом и пронзительными глазами цвета тёмного янтаря, одетая в длинное тёмное платье, расшитое странными символами, — местная ведунья и травница; и седобородый кузнец Темир, чьи руки, несмотря на возраст, всё ещё были сильны, а взгляд — остёр.

Самира сидела на низкой скамье, прижавшись спиной к прохладной стене. Браслет на её руке слабо мерцал, но она старалась не обращать на него внимания. Камила примостилась рядом, положив руку на рукоять своего ятагана — словно готовая в любой момент защитить чужестранку.

— Итак, — начал Марат, обводя взглядом присутствующих. — Дочь Забвения с нами. Знак Времени — с ней. Но пророчество говорит лишь о возможности, но не о гарантии. Путь к Храму Времени опасен, и даже если она добудет Артефакт Рассвета, неизвестно, сумеет ли она им воспользоваться.

— А что, если она не сумеет? — подал голос Аслан. — Мы поставим всё на одну карту, а она окажется пустышкой? Я видел, как она одним ударом разнесла Духа. Сила в ней есть. Но одно дело — бить, другое — знать, как и что делать.

— Сила — это ещё не всё, — тихо произнесла Зара. Её голос был мелодичным, но в нём чувствовалась скрытая мощь. — Я видела её ауру, когда она вошла. Она сплетена со Знаком. Но в ней есть и другое... пустота. Место для чего-то. Может быть, для знания, а может, для тьмы.

Самира поёжилась. Ей было неудобно, когда о ней говорили в третьем лице, словно о подопытном животном.

— Я не знаю, что я могу, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Я даже не знаю, как я попала сюда. Но я не хочу, чтобы из-за меня гибли люди. Если я могу помочь — я помогу.

Темир, до этого молчавший, хмыкнул.

— Смелая речь. Но смелость в горах измеряется не словами, а делами. Посмотрим, как ты покажешь себя в Лесу.

— Лес Шепчущих Теней не прощает ошибок, — добавил Аслан. — Там не только Алмасты рыщут. Там и ункаи, и, говорят, эмегены просыпаются. Гнев Карадага будит не только Духов.

— Эмегены? — переспросила Самира.

— Древние великаны, — пояснил Марат. — Их заточили в горах те же Горные Братья, что и Карадага. Спи они вечным сном, пока вулкан спокоен. Но теперь, когда его ярость растёт, земля дрожит, и великаны могут пробудиться. Если это случится... беда будет хуже, чем лава.

В башне повисла тяжёлая тишина. Каждый думал о своём. Зара вдруг подняла голову, прислушиваясь.

— Кто-то идёт, — сказала она.

Рамазан у двери напрягся, его рука скользнула к поясу. Но через мгновение он расслабился и, качнув головой, отступил, пропуская вошедшего.

Дверь отворилась, и в башню, пригнувшись в низком проёме, вошёл Хасан. В свете масляных ламп его серебряные глаза светились особенно ярко, отбрасывая причудливые тени на стены. Он был бледнее обычного, на лбу выступила испарина. Казалось, каждый шаг даётся ему с трудом.

— Хасан! — воскликнула Камила, вскакивая. — Ты не должен был вставать! После того, как ты говорил с камнями у стены... ты едва не упал в обморок!

— Я должен был прийти, — голос Хасана звучал глухо, но твёрдо. — Камни говорят громче. Они... зовут. И я знаю, что должен идти с ней, — он кивнул на Самиру. — Мой дар нужен в Лесу. Там без меня она пропадёт.

Марат нахмурился, но промолчал. Аслан с сомнением покачал головой.

— Ты едва на ногах стоишь, парень. Какой из тебя проводник?

— Я сильнее, чем кажусь, — Хасан выпрямился, и на мгновение в его облике мелькнула недетская, пугающая сила. — Камни дают мне силу, даже когда тело устало. Я пойду.

— Хорошо, — решил Марат. — Хасан пойдёт. Аслан, ты возглавишь отряд. Возьми с собой троих лучших: Омара, Эльдара и ещё кого сочтёшь нужным. Задача — довести Самиру и Хасана до Кемалья целыми. Дальше будет видно.

Аслан кивнул, принимая приказ.

— Когда выступаем? — спросил он.

— На рассвете, — ответил Марат. — Каждая минута дорога. Духи могут вернуться в любой момент.

— Я подготовлю припасы и оружие, — встал Темир. — Девушке нужно дать что-то, чем она сможет защитить себя, если Знак не сработает.

— У меня есть нож, — Самира показала на небольшой складной нож, который всегда носила с собой. Но, увидев скептические взгляды, осеклась. — Хотя... понимаю, это не то.

Темир усмехнулся.

— Я подберу тебе что-то полегче. Лук, может быть. «А пока...» — он порылся в своей сумке и протянул Самире небольшой, гладко отполированный камень на кожаном шнурке. — Это амулет. Носи на шее. Он не спасёт от когтей ункая, но поможет не заблудиться в тумане и не поддаться зову Алмасты.

Самира взяла амулет. Камень был тёплым, почти горячим на ощупь, и от него исходило странное, успокаивающее гудение, которое словно убирало часть страха.

— Спасибо, — искренне сказала она.

Зара подошла к ней и, взяв за руку, долго всматривалась в глаза.

— Ты сильная, — сказала она наконец. — Сильнее, чем думаешь. Но берегись. Лес будет испытывать тебя. Он будет показывать то, что ты больше всего хочешь увидеть. И то, чего боишься. Держись за тех, кто с тобой. И помни: настоящая сила не в том, чтобы уничтожить врага, а в том, чтобы сохранить себя.

С этими словами она отпустила руку и отошла.

Совещание закончилось. Люди расходились по домам, готовиться к трудному пути. Камила проводила Самиру обратно в её временное жилище. По дороге они молчали, но у двери девушка остановилась и тихо сказала:

— Береги Хасана. Он... он не такой, как все. Он много страдал из-за своего дара. Но он хороший. Лучший из нас.

Самира кивнула.

— Я постараюсь.

Она вошла в дом, прилегла на кровать, но сон не шёл. За стенами гудел вулкан, где-то вдали выли шакалы, а может, это кричали раненые. Браслет на руке слабо пульсировал, успокаивая. Она думала о завтрашнем дне, о Лесе, о странном юноше с серебряными глазами и о своей нелепой, страшной миссии. И о том, увидит ли она когда-нибудь снова Москву, бабушку, свой тихий переулок.

Ответа не было. Только гул вулкана и мерное тиканье невидимых часов внутри браслета, отсчитывающих время до нового, неизбежного рассвета.

ГЛАВА 4

КОЗНИ ВРАГА

Самира не помнила, как провалилась в сон. Усталость взяла своё, смешав реальность с обрывками кошмаров: ей снились серебряные глаза Хасана, превращающиеся в две бездонные пропасти; снилась Джамиля, стоящая на краю огненной реки и молча зовущая за собой; снился бабушкин сундук, из которого вместо старых фотографий сыпался раскалённый песок, обжигающий руки.

Проснулась она от резкого, пронзительного свиста, разорвавшего тишину ночи. Свист повторился — два коротких, один длинный. Сигнал тревоги.

Самира вскочила, мгновенно забыв про сон. За стенами дома уже слышались крики, топот ног, звон оружия. Браслет на её руке полыхнул синим, осветив комнату призрачным светом. Она схватила со стола нож, подаренный Темиром, и выбежала наружу.

Ночь над Аракулом превратилась в ад. Багровое зарево Карадага стало ярче, и на его фоне, у восточной стены, метались три тени. Духи Просвета. Они пришли, с другой стороны, не с запада, откуда их ждали, а с востока, где стена была ниже и защитников меньше.

По узким улочкам бежали воины. Женщины хватали детей и прятали их в подвалы. В воздухе пахло гарью и страхом. Самира, не раздумывая, бросилась к восточной стене. Браслет тянул её туда, словно магнит.

На стене уже кипел бой. Первый Дух, самый проворный, взобрался на парапет и крушил всё вокруг своими огненными клешнями. Двое воинов отлетели от него, как тряпичные куклы. Второй, стоя у подножия стены, методично обстреливал защитников сгустками раскалённой плазмы. Третий, самый огромный, бил в ворота, и те уже начинали поддаваться, жалобно скрипя.

Среди защитников Самира сразу заметила Хасана. Он стоял на самом краю стены, выставив руки вперёд. Его серебряные глаза светились так ярко, что на них было больно смотреть. Камни под ногами Духа, взбиравшегося на стену, вдруг ожили — из стены вырвались острые, как копья, шипы, пытаясь пронзить чудовище. Дух взревел и отшатнулся, но не отступил.

— Самира! Сюда! — крикнул кто-то. Это был Аслан. Он, прикрываясь щитом, проби-
вался к ней. — Твой браслет! Бей по ним, как тогда!

— Я не знаю как! — крикнула она в ответ. — Это получается само!

— Тогда пусть получится само! — рявкнул Аслан и снова кинулся в гущу боя.

Самира зажмурилась, пытаясь сосредоточиться. Но страх мешал, мысли путались. Она чувствовала, как браслет пульсирует, нагреваясь, но не могла направить его силу.

И вдруг случилось то, чего никто не ожидал. Дух, атаковавший ворота, замер. Его голова повернулась, и пустые глазницы, полные звёздной пыли, уставились не на стену, а куда-то в

сторону, в темноту за пределами аула. Он издал низкий, вопросительный гул. Два других Духа тоже прекратили атаку, прислушиваясь к чему-то, невидимому для людей.

А потом, из темноты, донёлся ответный звук. Тонкий, высокий свист, похожий на тот, что разбудил Самиру, но более протяжный, мелодичный, почти как песня. Духи замерли ещё на мгновение, а затем, словно по команде, развернулись и, не оглядываясь, скрылись в багровой мгле, спустившись со стены и растворившись в дыму и паре.

Тишина, наступившая после их ухода, была оглушительной. Воины на стене, тяжело дыша, опускали оружие, не веря своим глазам. Атака прекратилась так же внезапно, как и началась.

— Что это было? — выдохнул кто-то.

Хасан, пошатнувшись, опустился на колени. Самира подбежала к нему. Его лицо было залито потом, серебряные глаза потускнели, но он был жив.

— Кто-то... позвал их, — прошептал он. — Я слышал. Не человек. Не дух. Что-то другое. Оно приказало им уйти.

— Приказало? — переспросила Самира. — Кто может приказывать Духам?

— Тот, кто сильнее их, — раздался голос сзади. К ним, тяжело опираясь на посох, подошёл Марат. Его лицо было мрачнее тучи. — Или тот, кто знает их природу. Джамиля.

— Она здесь? — Самира оглянулась.

— Была. Или её люди, — Марат указал посохом в темноту за стеной. — Там, за скалой, я видел тень. Она исчезла, как только Духи ушли.

— Но зачем ей отзывать их? — не поняла Самира. — Она же хотела разрушить аул?

— Не разрушить, — покачал головой Марат. — Освободить Карадага. Она считает, что мы, Горные Братья, предали истинную веру, заточив его. Для неё он не чудовище, а жертва. И она хочет любой ценой снять оковы. Атака была отвлекающим манёвром. Или проверкой. Она хотела увидеть, на что способна ты.

— Я? — Самира почувствовала, как холодок пробежал по спине. — Она охотится за мной?

— За Знаком Времени, — уточнил Марат. — Она знает пророчество. Она знает, что ты ключ. И она попытается использовать тебя для своего безумного плана. Будь осторожна. Джамиля не просто фанатик. Она умна, хитра и отчаянна. Она не остановится ни перед чем.

С рассветом пришло горькое известие. Во время ночной атаки погибли трое защитников восточной стены. Их тела, обгоревшие и искалеченные, лежали на площади, покрытые рогожей. Женщины тихо плакали, мужчины стояли молча, сжимая оружие.

— Мы похороним их с почестями, — сказал Марат, обращаясь к собравшимся. — Но время скорби придёт позже. Сейчас мы должны готовиться. Джамиля показала, что она рядом. Духи вернутся. И в следующий раз их будет больше.

Он подозвал Аслана, Хасана и Самиру.

— Выступаете сегодня. Как только солнце поднимется выше. Сейчас же собирайтесь. Аслан, возьми с собой Омара, Эльдара и Руслана. Этого достаточно. Большой отряд привлечёт внимание. Идите быстро и тихо. Ваша цель — Кемаль. Он даст вам карту и укажет путь к Храму. Дальше вы будете сами по себе.

Аслан кивнул.

— Сделаем.

Самира смотрела, как солнце медленно поднимается над горами, окрашивая снежные вершины в розовый цвет. Где-то там, за этими вершинами, прятался Лес Шепчущих Теней, где её ждали испытания страшнее ночных кошмаров. Она сжала в руке амулет, подаренный Темиром, и почувствовала, как браслет на запястье отозвался тихим, ободряющим теплом.

— Я готова, — сказала она, хотя внутри всё дрожало.

Хасан, стоявший рядом, обернулся к ней. Его серебряные глаза, всё ещё тусклые после ночного напряжения, встретились с её взглядом.

— Я буду рядом, — тихо сказал он. — Камни не дадут нам пропасть.

И они пошли. Вниз по узкой тропе, прочь от ещё дымящихся стен Аракула, прочь от багрового зарева Карадага, навстречу неизвестности и Лесу, полному шепотов и теней.

ГЛАВА 5

ПУТЬ К УЩЕЛЬЮ

Рассвет над Аракулом разгорался медленно, словно нехотя. Солнце, пробиваясь сквозь пелену пепла и дыма, висящего над Карадагом, окрашивало небо в мутные, болезненные тона. Запах гари, казалось, въелся в каждый камень, в каждую щель, и даже утренняя прохлада не могла его перебить.

У восточных ворот, тех самых, что минувшей ночью едва не пали под натиском Духов, собрался небольшой отряд. Аслан, хмурый и сосредоточенный, проверял снаряжение: лук, колчан со стрелами, тяжёлый кинжал на поясе, запасной мех с водой. Рядом с ним переминались с ноги на ногу трое воинов. Самира уже знала их по именам: Омар — молодой, лет двадцати, с живыми, любопытными глазами, в руках он держал лёгкий, но, судя по виду, дальнобойный лук; Эльдар — постарше, молчаливый, с грубым, обветренным лицом, вооружённый тяжёлым копьём и широким мечом; и Руслан — коренастый, широкоплечий, с огромным круглым щитом за спиной и секирой на поясе, явно предназначенный для ближнего боя.

Хасан стоял чуть в стороне, опираясь на посох. Его серебряные глаза, поблекшие после ночного боя, сейчас казались почти обычными, серыми, но Самира знала — это обманчиво. Он был бледен, под глазами залегли тени, но в осанке чувствовалась упрямая решимость. Камила, провожавшая отряд, что-то тихо говорила ему, видимо, наставляла. Хасан слушал, кивая, но взгляд его то и дело уходил куда-то вдаль, в сторону гор.

Самира переминалась с ноги на ногу, чувствуя себя неуютно в чужой одежде. Мешковатые шаровары, стёганный жилет поверх рубахи, мягкие сапоги — всё это было непривычно, но практично. За плечами висел небольшой колчан с лёгкими стрелами и лук, который подобрал для неё Темир. Лук был не такой мощный, как у Омара, но для новичка самое то. На поясе — кинжал с нефритовой рукоятью, подарок кузнеца. И амулет — тёплый камень на шее.

К ним подошёл Марат. Старец выглядел ещё более измождённым, чем вчера, но глаза его горели прежним огнём. Рядом, как всегда, бесшумно двигался Рамазан. Он нёс в руках небольшой кожаный мешочек, туго завязанный.

— Это передаст Кемалю, — сказал Рамазан, протягивая мешочек Самире. Его голос, низкий и хриплый, раздавался редко, но каждое слово звучало весомо. — Амулет. Он знает. Отдашь, когда увидишь.

Самира взяла мешочек. Внутри что-то перекачивалось, издавая глухой стук. Камни? Она хотела спросить, но, встретившись взглядом с Рамазаном, поняла, что вопросов задавать не стоит. Просто кивнула и спрятала мешочек за пазуху.

— Пусть горные орлы хранят вас, — произнёс Марат, положив руку на плечо Аслану. — И помните: Лес не прощает спешки. Слушайте Хасана. Его дар — ваша главная защита.

— Сделаем, старейшина, — ответил Аслан. — Вернёмся с картой.

— Вернитесь живыми, — поправила Камила, сжимая руку Хасана напоследок. Она быстро поцеловала его в щёку и отступила.

Ворота со скрипом приоткрылись ровно настолько, чтобы мог пройти человек. Отряд гуськом выскользнул наружу. За ними захлопнулась тяжёлая створка, и лязг засова прозвучал как точка невозврата.

Сразу за стенами начинался крутой спуск. Тропа, выбитая в камне бесчисленными поколениями путников, вилась между огромных валунов, поросших лишайником. Внизу, глубоко в ущелье, шумела Азау — её рёв был слышен даже отсюда, смешиваясь с глухим гулом вулкана.

Отряд двигался быстро, но осторожно. Аслан шёл первым, внимательно изучая тропу. За ним — Омар и Эльдар, затем Самира и Хасан, и замыкал шествие Руслан с огромным щитом за спиной, готовый в любой момент прикрыть отход.

Спуск был долгим и утомительным. Солнце поднялось выше, и жара, смешанная с вулканическим жаром, становилась невыносимой. Самира обливалась потом, но старалась не отставать. Браслет на её руке слабо мерцал, словно подбадривая.

Они миновали несколько осыпей, перебрались через сухое русло ручья и наконец вышли на более ровное место — небольшое плато, откуда открывался вид на долину. Здесь, среди камней, паслись удивительные животные. Крупные, с мощными, изогнутыми рогами, они напоминали козлов, но были гораздо массивнее. Кавказские туры.

— Красивые, — прошептала Самира, замедляя шаг.

— Опасные, — поправил Омар. — Особенно в сезон гона. Но сейчас они мирные. Смотрят на нас, чужаков. Им тоже беспокойно — вулкан пугает.

Один из туров, огромный самец с роскошными рогами, поднял голову и уставился прямо на отряд. В его глазах не было страха, только спокойное, чуть надменное любопытство. Постояв мгновение, он фыркнул и, развернувшись, неторопливо повёл своё стадо дальше, вверх по склону.

— Хороший знак, — сказал Аслан. — Туры не уходят от страха. Они чувствуют, что земля пока держится.

Отряд двинулся дальше. Тропа снова пошла вниз, и вскоре они оказались на развилке. Две дороги расходились в стороны: левая уходила в мрачное, заросшее колючим кустарником ущелье, откуда доносился зловещий шелест; правая вилась вверх, по более пологому склону, где виднелись террасы старых, одичавших садов — яблони, груши, их ветви, скрюченные временем, ещё хранили следы недавнего цветения.

— Левая ведёт к Гнезду Ункаев, — мрачно произнёс Эльдар, вглядываясь в темноту ущелья. — Прямой путь, но смертельный.

— Правая — через сады, — добавил Омар. — Длиннее, но тише. Хотя...

Он не договорил, но Самира поняла: «тише» не значит «безопасно».

Аслан вопросительно посмотрел на Хасана.

— Что говорят камни? — спросил он.

Хасан закрыл глаза. Его пальцы коснулись ближайшего валуна. Тот отозвался слабой вибрацией. Юноша стоял так несколько долгих мгновений, затем открыл глаза. Серебряный свет в них стал чуть ярче.

— Левая тропа... там кровь. Много крови. «„Недавней“», — глухо сказал он. — Ункаи не просто живут там. Они ждут. Их кто-то привёл. Правая... правая чище. Камни молчат, но... есть что-то чужое. Не злое, но... чужое.

— Амулет, — вспомнила Самира. Она вытащила из-за пазухи мешочек, данный Рамазаном. Развязала его и высыпала содержимое на ладонь.

Там лежали три небольших, гладких камня — чёрный, белый и красный. Они были тёплыми, почти горячими, и, к удивлению, Самиры, слабо пульсировали, словно живые.

— Что это? — спросил Омар, заглядывая через плечо.

— Не знаю, — честно ответила Самира. — Но, кажется, они должны подсказать.

Она протянула руку с камнями в сторону левой тропы. Никакой реакции. Повернула к правой. Красный камень вдруг вспыхнул ярче, и его тепло стало почти обжигающим. Белый и чёрный остались равнодушны.

— Правая, — сказала Самира. — Камень зовёт туда.

Аслан кивнул.

— Значит, правая. Идём. Быстро, но осторожно. Сады могут таить сюрпризы.

Они свернули на тропу, ведущую к старым садам. Воздух здесь был напоен сладковатым, чуть приторным запахом цветущих яблонь, который, однако, не мог перебить горьковатый привкус пепла, осевшего на листья. Солнце пробивалось сквозь редкую листву, создавая причудливую игру света и тени. Но в этом свете было что-то тревожное, неестественное.

Самира заметила это первой. Её тень вдруг начала вести себя странно — то вытягивалась слишком длинно, то, наоборот, съеживалась, хотя солнце стояло на месте. Она остановилась, глядя на свои ноги. Тень под ними замерла, а потом резко дёрнулась в сторону, отделившись от хозяйки.

— Аслан! — крикнула она.

Все замерли. Каждый смотрел на свою тень. У Омара тень вдруг начала отставать, словно не успевала за ним. У Руслана, наоборот, забежала вперёд.

— Искажение времени, — глухо произнёс Хасан. — Легкое, но есть. Кто-то здесь был недавно. Кто-то, кто умеет играть со временем.

— Джамиля? — предположил Эльдар.

— Или тот, кто за ней стоит, — ответил Аслан. — Не останавливаться. Идём.

Они ускорили шаг, стараясь не смотреть на свои беспокойные тени. Тропа петляла между деревьями, зарослями ежевики, остатками древних каменных оград. Вокруг стояла неестественная тишина — не слышно было ни птиц, ни насекомых. Только шорох их собственных шагов да далёкий, нарастающий гул вулкана.

Внезапно Омар, шедший вторым, резко остановился, выставив руку.

— Следы, — сказал он, указывая на землю перед собой.

На влажной почве чётко отпечатались следы — множество следов, человеческих и не очень. Человеческие были узкими, с острыми носами, обутые в лёгкие сапоги. Нечеловечьи — огромные, с тремя длинными пальцами, заканчивающимися когтями, оставляющими глубокие борозды.

— Ункаи, — выдохнул Эльдар. — Но здесь их было много. И... люди с ними.

— Прошли недавно, — Аслан присел, потрогал край следа. — Несколько часов назад. Они шли с той стороны, куда направляемся мы. Или оттуда.

— Возвращались? — спросил Руслан.

— Или уходили от погони, — покачал головой Аслан. — Или кого-то несли.

Хасан, молчавший до этого, вдруг схватился за голову и застонал. Самира подскочила к нему.

— Что?

— Голоса... — прошептал он. — Камни кричат... здесь была битва. Маленькая, быстрая. Люди... они убили нескольких ункаев. Но их самих... их забрали.

— Забрали? Кто?

— Те, кто вышел из тени, — Хасан открыл глаза, в них плескалась боль. — Я не вижу их лиц. Они... размыты. Как тени во времени. Как тот, кого мы видели у Камня Предков.

Самира похолодела. Фарид. Тот странный путник с пустыми следами. Он был здесь. Он опережал их.

— Надо идти, — твёрдо сказала она. — Быстрее. Кемаль может быть в опасности.

Аслан хотел возразить, но, встретившись с её решительным взглядом, лишь кивнул.

— Дальше идём в полной тишине. Ни звука. Если что — сигнал свистом. Держимся плотнее.

Отряд снова двинулся вперёд, теперь уже молча, стараясь ступать как можно тише. Сады кончились, сменившись густым подлеском. Тропа становилась всё уже, деревья теснили её с обеих сторон. Воздух стал влажным, спёртым. Шелест листвы сменился другим звуком — тихим, монотонным шепотом, который, казалось, доносился отовсюду и ниоткуда одновременно.

Лес Шепчущих Теней начинался. И он уже знал о их приближении.

ГЛАВА 6

ЛОВУШКА В САДАХ

Лес Шепчущих Теней не был похож ни на один лес, который Самира видела прежде. Он не просто стоял — он жил своей, пугающей, чуждой жизнью. Деревья здесь росли не вверх, а как-то криво, изломанно, их стволы, покрытые мхом неестественного, ядовито-зеленого цвета, сплетались между собой, образуя причудливые арки и туннели. Ветви, лишённые листвы внизу, наверху смыкались в плотный полог, сквозь который едва пробивался солнечный свет, окрашивая всё вокруг в сумрачные, зеленоватые тона. Воздух был влажным, тяжёлым, пропитанным запахом гниющей листвы, плесени и ещё чего-то сладковато-приторного, отчего слегка кружилась голова.

Тропа, по которой они шли, почти исчезла, превратившись в едва заметный коридор между корней и поваленных стволов. Ноги утопали в мягком, пружинящем мху, заглушающем шаги. Тишина, царившая здесь, была неестественной, ватной. Даже гул вулкана, преследовавший их всю дорогу, стих, словно лес поглощал все звуки. Но вместо него появилось нечто иное — тихий, навязчивый шёпот, который, казалось, исходил отовсюду. Он не был громким, но проникал в самое сознание, заставляя вздрагивать от каждой тени.

— Не слушайте, — предупредил Хасан, идущий сразу за Асланом. Его серебряные глаза светились в полумраке, отбрасывая слабые блики. — Голоса леса лгут. Они будут показывать вам то, чего нет, и скрывать то, что есть. Держитесь ближе друг к другу и смотрите только на тропу.

Омар, шедший рядом с Самирой, нервно сжимал лук. Его лицо, обычно весёлое, сейчас было напряжено.

— Я слышу... мать, — прошептал он. — Она зовёт меня. Говорит, что дома беда.

— Не слушай! — резко оборвал Аслан. — Это обман. Твоя мать в Аракуле, под защитой стен.

Они прошли ещё несколько десятков шагов, когда шепот усилился. Теперь в нём можно было разобрать отдельные слова. Самира отчётливо услышала голос бабушки: «Самира, внученька, вернись домой, чай остыл...». Голос был такой родной, такой настоящий, что у неё сжалось сердце. Она невольно замедлила шаг, оглядываясь.

— Не смотри! — Хасан схватил её за руку. Его пальцы были холодными, но хватка — крепкой. — Это не она. Это лес.

Самира заставила себя отвести взгляд от того места, откуда доносился голос, и сосредоточилась на тропе. Браслет на её руке слабо пульсировал, словно предупреждая об опасности.

Внезапно Руслан, шедший замыкающим, вскрикнул и выхватил секиру. Все развернулись. Сзади, метрах в десяти, среди деревьев, мелькнула высокая, худая фигура. Она была похожа на человека, но двигалась как-то неестественно, рывками, словно кукла на нитках. Лица не было видно — только тёмный силуэт.

— Кто это? — выдохнул Эльдар, вскидывая копье.

Фигура замерла, а затем, не издав ни звука, растаяла в воздухе, как утренний туман.

— Алмасты, — мрачно сказал Аслан. — Или её тень. Она следит за нами. Ждёт, когда мы ошибёмся.

— Что ей надо? — спросила Самира, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Она питается страхом, — ответил Хасан. — И отчаянием. Чем больше мы боимся, тем сильнее она становится. Но её главная пища — те, кто сдаётся. Те, кто поддаётся иллюзиям и уходит с тропы.

— Тогда не будем бояться, — твёрдо сказала Самира, хотя внутри у неё всё дрожало. Она сжала амулет на шее — камень был тёплым, успокаивающим. — Идём дальше.

Они продолжили путь, стараясь не обращать внимания на мелькающие в глубине леса тени и усиливающийся шепот. Но лес не сдавался. Тропа становилась всё уже, деревья теснили их со всех сторон. Воздух сгустился, дышать стало трудно. Самире начало казаться, что она задыхается.

Они вышли на небольшую поляну, посреди которой возвышался огромный, поросший мхом валун. На его поверхности, едва различимые под слоем зелени, виднелись древние, выбитые руны. Хасан остановился и, не спрашивая разрешения, подошёл к камню, положил на него ладонь.

— Здесь был человек, — сказал он после долгой паузы. — Недавно. Он... он ждал кого-то. И он оставил предупреждение.

— Предупреждение? — переспросил Аслан. — Кому?

— Тем, кто пойдёт следом, — Хасан повернулся к ним, и в его серебряных глазах плескалась тревога. — Камень говорит: «Остерегайтесь даров леса. Не берите ничего, что не принадлежит вам. Иначе станете частью его навсегда».

— Дары леса? — не понял Омар.

В этот момент с ветки ближайшего дерева сорвался ярко-красный плод. Он упал прямо к ногам Омара, переливаясь в сумрачном свете, как драгоценный камень. Плод был невероятно аппетитным, источал сладкий, дурманящий аромат. У Омара пересохло во рту, рука сама потянулась к нему.

— Не трогай! — закричала Самира, бросаясь вперёд и отталкивая его руку.

Но было уже поздно. Пальцы Омара едва коснулись плода, как тот лопнул, выпустив облако ярко-оранжевой пыли. Омар закашлялся, отшатнулся, но несколько крупинки успели попасть ему в глаза и рот.

Мгновение — и Омар замер. Его лицо исказилось, глаза расширились от ужаса. Он смотрел прямо перед собой, но явно видел что-то другое, не поляну и не своих спутников.

— Омар! — Аслан тряхнул его за плечо, но юноша не реагировал. Он начал бормотать, голос его дрожал:

— Мама... мама, не уходи... я не хотел... прости... прости меня...

— Что с ним? — в панике спросил Эльдар.

— Алмасты взяла его, — глухо произнёс Хасан. — Он в её власти. Видит то, чего нет. Слышит то, что не звучит. Если мы не вытащим его, он так и останется здесь, призраком среди деревьев.

— Как вытащить? — Самира уже подбежала к Омару, пытаясь заглянуть ему в глаза, но они были пусты, как у спящего с открытыми веками.

— Нужен огонь, — сказал Хасан. — Чистый огонь, не лесной. Только он может разорвать наваждение.

— У нас нет факелов, — отозвался Руслан. — Спички есть у кого?

Но в этом мире спичек не было. Самира лихорадочно шарила по карманам. В одном из них, в том самом, где лежал бабушкин носовой платок, она нащупала что-то твёрдое и гладкое. Она вытащила — это была зажигалка. Обычная газовая зажигалка, которую она носила с собой в Москве для сигарет, хотя сама почти не курила.

— Есть! — воскликнула она, чиркая колёсиком. Огонёк вспыхнул ровным, сильным пламенем.

— Поднеси к его лицу, — скомандовал Хасан. — Ближе, но не обожги.

Самира поднесла зажигалку к лицу Омара. Тот дёрнулся, зажмурился, и из его глаз вдруг брызнули слёзы — не обычные, а зеленоватые, светящиеся. Он закричал, рванулся, но Аслан держал его крепко. Пламя зажигалки, казалось, жгло не только кожу, но и ту дрянь, что попала в него. Из рта и носа Омара повалил тонкий, едкий дым. Через несколько секунд он обмяк, перестал кричать и, открыв глаза, уже осмысленно, с ужасом уставился на своих спутников.

— Где... где я? — прошептал он. — Я видел... маму... она тонула в огне... я не мог...

— Ты дома, — мягко сказал Аслан, отпуская его плечи. — Ты в лесу. С нами. Алмасты пыталась забрать тебя, но мы вытащили.

Омар разрыдался, уткнувшись лицом в ладони. Руслан молча похлопал его по спине. Эльдар, сжимая копьё, зло оглядывал лес.

— Тварь, — процедил он сквозь зубы. — Я до тебя доберусь.

— Не надо, — остановил его Хасан. — Алмасты — не враг, которого можно убить копьём. Она часть леса. Чем больше мы будем её злить, тем сильнее станет. Надо просто идти дальше, не поддаваясь.

Самира спрятала зажигалку обратно в карман. Этот маленький кусочек её мира, обычный и привычный, вдруг показался ей бесценным сокровищем.

— Омар сможет идти? — спросила она.

Юноша, всё ещё всхлипывая, поднялся на ноги, опираясь на лук. Лицо его было бледным, но взгляд уже обрёл осмысленность.

— Смогу, — хрипло сказал он. — Простите, что поддался. Больше не повторится.

— Хорошо, — кивнул Аслан. — Тогда идём. И держитесь ближе. Ничего не трогать, даже если это кажется самым желанным в мире.

Отряд снова двинулся вперёд. Лес вокруг будто затаил дыхание. Шёпот стих, но в этом молчании чувствовалась угроза, ещё более страшная, чем прежде. Тени больше не мелькали, но воздух стал плотным, почти осязаемым. Каждый шаг давался с трудом, словно они шли не по земле, а по вязкому болоту.

Хасан, шедший впереди, вдруг остановился, подняв руку.

— Там, — он указал в просвет между деревьями. — Что-то есть.

Они осторожно приблизились. Впереди, метрах в пятидесяти, сквозь редкую листву виделось нечто, не похожее на лес. Стена. Высокая, каменная стена, поросшая мхом и лишайником, но явно рукотворная. А в стене — пролом, зияющий чёрной пустотой.

— Руины, — определил Аслан. — Старое святилище, или, может, сторожка древних. Кемаль говорил, что в лесу есть такие места.

— Входить? — спросил Руслан, сжимая секиру.

— Надо проверить, — решил Аслан. — Может, там укрытие на ночь. Скоро стемнеет, а ночевать в лесу под открытым небом — верная смерть.

Они подошли к пролому. Оттуда тянуло холодом и сыростью. Самира зажгла зажигалку, чтобы осветить путь. Внутри оказалось просторное помещение с каменным алтарём в центре. На алтаре, покрытые слоем пыли, лежали какие-то предметы: глиняные чаши, ржавый нож, и... небольшой, искусно вырезанный из дерева амулет в виде летящего орла.

— Смотрите, — сказал Эльдар, указывая на пол. Там, в пыли, отчётливо виднелись следы. Не старые, а совсем свежие. Человеческие.

— Кто-то был здесь совсем недавно, — констатировал Аслан. — Может, даже сегодня.

— Или вчера, — добавил Хасан, прикасаясь к камню стены. — Камни говорят, что здесь был человек. Один. Он... он ждал кого-то. А потом ушёл в ту сторону, — он указал на противоположную стену, где, как оказалось, был ещё один проход, заваленный камнями, но не полностью.

— Может, это следы Кемаля? — предположила Самира.

— Кемаль слеп, — напомнил Аслан. — Он не ходит по лесу. Это кто-то другой.

— Или что-то другое, — мрачно добавил Омар, всё ещё вздрагивающий после пережитого.

— Ночевать здесь рискованно, — сказал Руслан. — Если тот, кто здесь был, вернётся... мы не знаем, враг он или друг.

— Выбора нет, — отрезал Аслан. — Снаружи лес, полный Алмасты и ункаев. Здесь есть стены и крыша. Располагаемся на ночлег. Дозор будем нести по очереди. Руслан, ты первый. Остальным — отдыхать.

Они развели небольшой костёр из щепок и сухих веток, найденных в руинах. Огонь весело затрещал, отгоняя тьму и холод. Самира сидела, прижавшись спиной к тёплому камню, и смотрела на пляшущие языки пламени. Браслет на её руке слабо мерцал, успокаивая. Рядом, прислонившись к стене, сидел Хасан. Его серебряные глаза в свете костра казались почти нормальными.

— Ты как? — тихо спросила она.

— Держусь, — ответил он. — Лес давит. Камни здесь чужие, мёртвые. Но я справлюсь.

— Спасибо, что помог с Омаром, — сказала Самира. — Если бы не ты...

— Ты помогла, — перебил он. — Твоя зажигалка. Это не отсюда, да? Из твоего мира?

Самира кивнула.

— Да. Мелочь, а пригодилась.

— Всё, что мы носим с собой, всё, что мы помним, — всё это часть нас, — задумчиво произнёс Хасан. — Иногда самая маленькая вещь может спасти жизнь.

Они замолчали. Где-то в глубине леса завыл зверь — то ли волк, то ли ункай. Ему ответил другой, ближе. Хасан напрягся, но промолчал.

Самира закрыла глаза. Завтра их ждёт новый день, новые опасности. Но сейчас, в этом тёмном, холодном месте, рядом с этими странными, но ставшими уже почти родными людьми, она чувствовала себя почти в безопасности. Почти.

Костёр догорал, отбрасывая длинные, пляшущие тени на стены древнего святилища. А где-то там, в темноте, за проломом в стене, тихо, как призрак, стоял человек. Фарид. Он смот-

рел на спящий отряд, и на его губах играла лёгкая, загадочная улыбка. В руке он держал небольшой, похожий на циркуль прибор, слабо светящийся голубым. Он постоял ещё немного, затем, бесшумно ступая, растворился в ночи, оставив после себя лишь лёгкое, быстро исчезающее искажение воздуха. Охотник сделал свою пометку. Игра продолжалась.

ГЛАВА 7

КАМЕНЬ ПРЕДКОВ

Ночь в руинах древнего святилища выдалась тревожной. Даже смена дозорных не приносила спокойствия — лес вокруг жил своей, враждебной жизнью. То тут, то там слышались шорохи, далекий вой, а иногда — леденящий душу шепот, проникающий сквозь каменные стены, заставлявший вздрагивать даже во сне. Самира несколько раз просыпалась, хватаясь за амулет на шее, и каждый раз камень был горячим, предупреждающим.

Рассвет пришел неохотно, серый и мглистый. Туман, густой, как молоко, заполнил лес, скрывая деревья, тропу, все ориентиры. Видимость упала до нескольких шагов. Отряд собрался у пролома в стене, хмуро глядя на белую пелену.

— Идти в таком тумане — самоубийство, — проворчал Эльдар, поправляя копье. — Можно в двух шагах от пропасти оказаться и не заметить.

— Остаться здесь — тоже не выход, — возразил Аслан. — Если ункаи решат вернуться, в тумане они нас просто перережут.

— Хасан, — Самира повернулась к юноше с серебряными глазами. — Ты чувствуешь камни? Они могут указать путь?

Хасан, сидевший на корточках у стены, поднял голову. Его глаза светились даже сквозь туманную пелену.

— Камни здесь... мертвые, — ответил он после паузы. — Слишком старые. Они помнят только прошлое, не видят настоящего. Но... есть одна тропа. Я слышу ее не камнями, а... ветром. Он дует с востока, оттуда, где Камень Предков.

— Ты уверен? — спросил Аслан.

— Нет, — честно признался Хасан. — Но другого пути у нас нет.

Аслан тяжело вздохнул, оглядывая своих людей. Омар, все еще бледный после вчерашнего, сжимал лук так, что костяшки побелели. Руслан хмуро поглаживал топориче секиры. Эльдар был мрачен, как туча. Только Самира, казалось, сохраняла присутствие духа, хотя и она чувствовала, как страх сжимает сердце.

— Идем, — решил Аслан. — Хасан, ты впереди. Омар, прикрывай его справа. Эльдар — слева. Руслан и Самира — замыкающие. Держимся друг друга, как бы ни было страшно. Если потеряете кого в тумане — кричите. Не молчите.

Отряд гуськом выбрался из руин и тут же растворился в белой мгле. Туман был настолько плотным, что Самира едва различала спину Руслана в двух шагах впереди. Воздух стал влажным, тяжелым, дышать было трудно. Шаги тонули в ватной тишине. Казалось, они идут не по земле, а по облакам, по самому краю реальности.

Шли долго. Время в тумане потеряло смысл. Минуты растягивались в часы, а может, наоборот, часы пролетали как минуты. Самира ориентировалась только по смутному силуэту Руслана и по теплу амулета на груди, который то усиливался, то ослабевал, словно пульсировал в такт неведомому ритму.

Внезапно Хасан, шедший впереди, остановился. Все замерли, вглядываясь в молочную пелену.

— Что там? — тихо спросил Аслан.

— Камень, — голос Хасана прозвучал глухо, сдавленно. — Он здесь. Мы пришли.

Туман начал редеть, словно расступаясь перед чем-то невидимым. И через несколько мгновений перед ними открылось зрелище, от которого у Самиры перехватило дыхание.

Посреди небольшой, поросшей мхом поляны, возвышался Камень Предков. Это был не просто валун. Это была глыба черного, отполированного временем базальта, высотой в три человеческих роста. Его поверхность была сплошь покрыта резьбой — древними, замысловатыми рунами, стилизованными изображениями горных козлов, орлов, солнца и луны. Но самое поразительное — камень светился. Не ярко, а тускло, изнутри, слабым синеватым сиянием, которое пульсировало в такт с биением сердца.

У подножия камня лежали несколько засохших венков из полыни и горных цветов — подношения, оставленные теми, кто приходил сюда за советом или благословением.

— Камень Предков, — благоговейно прошептал Аслан, опускаясь на одно колено. Остальные воины последовали его примеру. Только Самира и Хасан остались стоять.

— Он говорит со мной, — Хасан сделал шаг вперед, его серебряные глаза теперь светились в унисон с камнем. — Он... зовет.

— Иди, — тихо сказала Самира. — Я с тобой.

Хасан медленно подошел к камню, протянул руку и коснулся его холодной, гладкой поверхности. В тот же миг сияние усилилось, и по руке Хасана побежали голубоватые искры, поднимаясь к плечу, к шее, к глазам. Юноша вздрогнул, но не отшатнулся. Его глаза закатились, показав только белки, а изо рта вырвался тихий, гортанный звук, похожий на древнюю, забытую песню.

Самира видела, как под его кожей, на висках, на шее, проступили темные прожилки, пульсирующие в такт сиянию камня. Это было страшно и завораживающе одновременно. Она хотела подойти, помочь, но Аслан жестом остановил ее.

— Не мешай. Камень говорит с ним. Это его дар.

Видение длилось, казалось, вечность. А потом Хасан вдруг рухнул на колени, его тело сотрясла судорога, и изо рта хлынула темная, почти черная кровь. Самира бросилась к нему, не слушая предостережений, подхватила его, не давая упасть лицом в мох.

— Хасан! Хасан, очнись!

Глаза юноши медленно открылись. Серебряный свет в них померк, сменившись обычной, человеческой мутью. Он смотрел на Самиру, но, казалось, не видел ее, смотрел сквозь, в какую-то другую реальность.

— Я видел... — прошептал он, и голос его был чужим, старческим. — Я видел их. Кузнецов. Тех, кто ковал цепи для Карадага. Они стояли здесь, на этом самом месте. Молодые, сильные, полные гордости. Их было пятеро. Во главе с... с Маратом. Молодым Маратом, без морщин, с черными волосами. На его руке был браслет. Такой же, как у тебя.

Самира невольно взглянула на свое запястье. Браслет слабо мерцал, словно подтверждая слова Хасана.

— Они не просто заковывали его, — продолжал Хасан, его глаза наполнялись ужасом. — Они пытали его. Вливали в цепи черную, жидкую тьму, чтобы он не мог сопротивляться. Чтобы его боль стала вечной. И Карадаг... он кричал. Кричал так, что камни плавились, а небо над горами почернело. Но люди не слышали. Или не хотели слышать.

Он замолчал, тяжело дыша. Из уголка его рта все еще сочилась кровь.

— Ты должен отдохнуть, — сказала Самира, пытаясь поднять его. — Тебе нельзя так...

— Нет, — Хасан вдруг схватил ее за руку с неожиданной силой. — Ты должна знать. Они не все ушли. Один из кузнецов... тот, что стоял справа от Марата... он не умер. Его дух остался здесь. Он... он проклят. Потому что именно его молот вбивал самые страшные звенья. И теперь он скитается по этим горам, не находя покоя. Если мы встретим его... берегись. Он не простит нам того, что мы пытаемся исправить то, что он сотворил.

— Эмеген? — спросил Аслан, подходя ближе.

— Хуже, — покачал головой Хасан. — Эмегены — просто великаны, спящие в горах. Это человек. Бывший человек. И его ненависть сильнее любой горы.

В этот момент с противоположной стороны поляны, из-за густых зарослей ежевики, донесся странный звук. Не вой, не рык, а мерзкий, скрежещущий хруст, будто кто-то перемалывал камни челюстями.

Все замерли, вглядываясь в темноту. Звук приближался. Из кустов, ломая ветки, вывалилось нечто. Существо ростом с крупного волка, но приземистее, мускулистее. Его тело покрывала косматая, свалявшаяся шерсть цвета запекшейся крови. Морда — сплюснутая, с мощными челюстями, из которых торчали клыки, похожие на кинжалы. Глаза — маленькие, свиные, горящие желтым, хищным огнем. Лапы — огромные, с когтями, как стальные серпы, способными разрывать камень. Ункай. И не один.

За первым показался второй, третий, четвертый. Целая стая, не меньше десятка тварей, окружала поляну, медленно, но неумолимо сжимая кольцо. В их глазах не было страха, только голод и жажда убийства.

— В круг! — заревел Аслан, выхватывая меч. — Спина к спине! Руслан, щит вперед! Омар, стрелы по готовности! Самира, держись рядом с Хасаном!

Воины мгновенно построились, образовав живой круг. Руслан выставил огромный щит, прикрывая остальных. Эльдар оцетинился копьем. Омар натянул лук, целясь в вожака, самого крупного ункая с красным, светящимся глазом.

Ункаи не стали ждать. Они атаковали одновременно, с разных сторон, как хорошо обученная армия. Первый прыгнул на Руслана, но его когти лишь скользнули по металлу щита, высекая сноп искр. Руслан, зарывчав, рубанул секирой, отсекая твари лапу. Ункай взвыл и откатился, но на его место тут же бросились двое других.

Эльдар копьем встретил одного, пронзив ему грудь насквозь, но тварь, уже умирая, успела полоснуть когтями по его руке, оставляя глубокие, кровавые борозды. Омар выпустил стрелу, и она вонзилась в горло очередному ункаю, но тот, захлебываясь кровью, все равно рвался вперед.

Аслан рубился с двумя сразу, его меч мелькал с невероятной скоростью, отражая удары когтей и нанося свои. Он был опытен, но силы были неравны. Тварей было слишком много.

Самира, прижимаясь к Хасану, сжимала в руке нож, понимая, что это бесполезно. Браслет на ее руке полыхал синим, но она не знала, как использовать его силу. Хасан, все еще слабый после видения, пытался поднять руки, чтобы призвать камни, но его дар не слушался, отзываясь лишь слабой вибрацией.

Вожак с красным глазом, огромный, покрытый шрамами, обошел круг и оказался прямо перед Самирой и Хасаном. Он оскалился, обнажив ряды острых, как иглы, зубов, и приготовился к прыжку.

— Нет! — закричала Самира, выставляя перед собой руку с браслетом.

Синий свет вспыхнул ослепительно. Удар, подобный грому, сотряс поляну. Но на этот раз луч не ударил. Свет просто разлился вокруг, создавая мерцающий, полупрозрачный купол, который накрыл всех, кто был в кругу. Ункаи, прыгнувшие на этот купол, отлетели назад, их шерсть задымилась, они взвыли от боли.

Самира смотрела на свои руки, не веря, что это сделала она. Купол держался, пульсируя в такт ее сердцу, но она чувствовала, как силы утекают из нее, как вода сквозь пальцы.

— Долго не продержусь! — крикнула она.

— Хасан! — заревел Аслан, отбиваясь от нападающих тварей. — Камни! Зови камни!

Хасан, собрав последние силы, вскинул руки. Земля под ногами ункаев зашевелилась. Из почвы, из мха, из самого камня, вырвались острые, как пики, шипы. Они пронзали тварей, разрывали их тела, не давая подобраться ближе. Крик ункаев смешался с ревом вожака.

Красноглазый вожак, видя, что его стая гибнет, отступил на шаг, затем на второй. Его маленькие, злобные глаза встретились с глазами Самиры. Он издал низкий, утробный рык,

полный ненависти, а затем, развернувшись, бросился наутек, скрывшись в зарослях ежевики. Оставшиеся в живых ункаи последовали за ним.

Тишина, наступившая после боя, была оглушительной. Только тяжелое дыхание людей, стоны раненого Эльдара да тихое потрескивание умирающего синего купола нарушали ее.

Самира опустила руки, и купол исчез. Она пошатнулась, и Руслан подхватил ее, не давая упасть.

— Жива? — хрипло спросил он.

— Жива, — выдохнула она, глядя на груды тел ункаев, усеявших поляну.

Аслан подошел к жожаку, оставившему глубокий след когтей на камне.

— Ушел, гад, — сплюнул он. — Вернется. Такие всегда возвращаются.

— У нас есть раненые, — сказал Омар, помогая Эльдару, у которого рука была разорвана в клочья. — Эльдару нужна перевязка.

— Идти он не сможет, — мрачно констатировал Аслан, осматривая рану. — Глубоко. До кости. Надо возвращаться.

— Нет! — Хасан, все еще сидящий на коленях, поднял голову. — Мы не можем вернуться. Мы почти у цели. Кемаль близко. Если мы повернем, все будет зря.

— Эльдар умрет, если мы потащим его дальше, — возразил Аслан. — Я не могу рисковать людьми.

— Оставьте меня, — вдруг прохрипел Эльдар, сжимая здоровой рукой копье. Лицо его было бледным, но взгляд твердым. — Я останусь здесь. Буду ждать. Если вы не вернетесь через день... значит, не судьба. А если вернетесь, я буду здесь, живой или мертвый.

— Глупости, — начал Аслан, но Эльдар перебил его:

— Я воин. Я знаю, на что шел. Идите. Спасайте аул. А я... я посторожу тут.

Повисла тяжелая пауза. Аслан смотрел на своего бойца, и в его глазах читалась борьба. Наконец он кивнул.

— Омар, остаешься с Эльдаром. Спрячьтесь где-нибудь, перевяжи его, как сможешь. Если через день мы не вернемся, пробирайтесь обратно в Аракул самостоятельно. Любым путем.

Омар хотел возразить, но, встретившись с жестким взглядом Аслана, лишь кивнул.

— Сделаем.

Аслан повернулся к Самире и Хасану.

— Идем дальше. Вдвоем. Быстрее и тише. Времени у нас мало.

Самира поднялась, опираясь на плечо Руслана. Браслет на ее руке едва теплился, почти погас. Силы оставили ее, но в груди горела решимость. Она посмотрела на Хасана. Тот, шатаясь, тоже встал, опираясь на посох.

— Я готов, — сказал он.

Аслан кивнул, бросил последний взгляд на Омара, уже уводящего Эльдара в заросли, и решительно шагнул в ту сторону, куда указывал камень.

— За мной.

Они ушли, оставив позади поле боя, залитое кровью ункаев, и двух своих товарищей, затаившихся в лесу в ожидании чуда. А высоко в небе, над Камнем Предков, снова появился горный орел. Он сделал круг, пронзительно крикнул и полетел на восток, туда, куда ушли путники. Туда, где их ждал Кемаль, Храм Времени и новая, еще более страшная битва.

ГЛАВА 8

ПРОБУЖДЕНИЕ ДАРА

Лес после ухода Аслана, Самиры и Хасана стал ещё более зловещим. Туман, немного рассеявшийся после битвы у Камня Предков, снова сгустился, превратившись в молочную стену, сквозь которую не было видно даже собственных вытянутых рук. Омар, поддерживая раненого Эльдара, пробирался вглубь зарослей, подальше от поляны, усеянной трупами ункаев. Кровь, ещё тёплая, привлекала хищников, и вскоре здесь могло стать ещё опаснее.

— Держись, — шептал Омар, чувствуя, как Эльдар тяжелеет с каждым шагом. — Найдём укрытие, перевяжу как следует.

Эльдар молчал, только скрипел зубами от боли. Рана на его руке, разорванная когтями ункая, была глубокой, кровь сочилась сквозь наспех наложенную повязку, оставляя за ними кровавый след — приманку для тех, кто рыщет в поисках добычи.

Они нашли небольшую пещеру, вернее, углубление под нависшей скалой, скрытое густыми кустами ежевики. Место было не самым надёжным, но лучшего в этой мгле не сыскать. Омар затащил Эльдара внутрь, уложил на сухой мох и принялся осматривать рану.

— Плохо, — прошептал он, разматывая окровавленные тряпки. — Когти ункаев грязные, на них всякая дрянь. Если не прижечь, начнётся заражение.

— Жги, — хрипло ответил Эльдар, протягивая руку. — Всё равно больнее, чем сейчас, не будет.

Омар колебался. У него не было ни огня, ни специальных средств. Но он вспомнил, что где-то в кармане у Эльдара была фляга с чем-то крепким — местной аркой, которую воины брали с собой для сугреву. Он нащупал флягу, откупорил, плеснул на рану. Эльдар взвыл, закусив губу до крови. Омар, не давая ему опомниться, вытащил кинжал, прокалил лезвие над зажигалкой, которую ему перед уходом сунула Самира (она дала её на всякий случай), и прижал к ране. Зашипело, запахло палёным мясом. Эльдар потерял сознание.

Омар перевёл дух, обмотал руку товарища чистыми лоскутами, разорвав собственную рубаху. Теперь оставалось только ждать. Ждать, когда Эльдар очнётся, когда кончится день, когда, может быть, вернутся Аслан и остальные. Время тянулось мучительно медленно.

Снаружи доносились звуки леса: шорохи, далёкий вой, иногда — странный, леденящий душу шёпот, от которого волосы вставали дыбом. Омар сидел у входа в убежище, сжимая лук, готовый в любой момент выпустить стрелу. Он думал о доме, о матери, об Аракуле, который, возможно, уже пылает в огне. И о том, что он, простой воин, оказался в самом сердце этого кошмара.

Внезапно шёпот стих. Тишина стала абсолютной, давящей. Омар насторожился, вглядываясь в туман. Из белой пелены начали проступать тени. Сначала одна, потом вторая, третья... Они двигались бесшумно, скользя, как призраки. Омар насчитал пять фигур. Они были похожи на людей, но слишком высокие, слишком худые, с неестественно длинными руками.

Алмасты. Лесные духи, питающиеся страхом. Они пришли за лёгкой добычей — за раненым и его защитником.

Омар замер, стараясь не дышать. Он знал, что Алмасты видят не глазами, а чувствуют эмоции. Страх привлекает их, как мёд — мух. Он пытался унять дрожь, но тело не слушалось. Сердце колотилось где-то в горле.

Первая тень приблизилась к самому входу в пещеру. Омар разглядел её лицо — пустые глазницы, провал рта, кожа, похожая на кору старого дерева. Она протянула руку с длинными, скрюченными пальцами к Омару, и тот почувствовал, как холод сковывает его тело, как мысли путаются, уступая место липкому, животному ужасу.

— Нет, — прошептал он, но голос не слушался. — Не подходи.

Алмасты склонила голову, словно прислушиваясь. Её беззубый рот растянулся в жуткой, неестественной улыбке. Она сделала ещё шаг.

И в этот момент из глубины пещеры раздался стон. Эльдар, приходя в себя, заворочался. И вместе с этим стоном внутри Омара что-то щёлкнуло. Страх не исчез, но трансформировался во что-то иное — в ярость. Ярость на этих тварей, которые мешают им жить, на несправедливость этого мира, на собственную беспомощность. Он открыл рот и закричал.

Но это был не просто крик. Это был звук невероятной силы, низкий, вибрирующий, разрывающий воздух. Казалось, сами скалы задрожали от этого вопля. Алмасты отшатнулась, закрывая уши, но звук проникал сквозь пальцы, сквозь плоть, разрывая их изнутри. Её лицо исказилось мукой, она завывала — высоко, тонко, как подстреленная птица, и начала распадаться, превращаясь в клочья тумана, которые тут же развеял ветер.

Другие тени, увидев гибель сестры, заметались, но Омар не останавливался. Он кричал, направляя звук на них, и каждая из Алмасты, коснувшись этой звуковой волны, рассыпалась в прах. Через несколько мгновений поляна перед пещерой опустела. Только дрожащий воздух напоминал о том, что здесь только что было.

Омар замолчал так же внезапно, как и начал. Из его носа и ушей текла кровь, в глазах потемнело. Он рухнул на колени, тяжело дыша, не понимая, что только что произошло.

— Омар... — слабый голос Эльдара вывел его из ступора. — Ты... ты как?

Омар обернулся. Эльдар смотрел на него широко раскрытыми глазами, в которых читался не только страх, но и изумление.

— Я... не знаю, — прошептал Омар, вытирая кровь с лица. — Что это было?

— Это твой дар, — ответил Эльдар, с трудом приподнимаясь на локте. — Ты Каменное Дитя, как Хасан. Только твой дар — не камень, а звук. Ты можешь кричать так, что враги рассыпаются. Ты спас нас.

Омар посмотрел на свои руки. Они дрожали. Он чувствовал странную пустоту внутри, словно из него выкачали все силы. Но вместе с тем — и небывалую лёгкость. Словно с души свалился тяжёлый камень.

— Хасан знал? — спросил он.

— Не думаю, — покачал головой Эльдар. — Такие дары просыпаются в минуту смертельной опасности. Ты никогда раньше не был в такой переделке. Теперь ты знаешь, на что способен.

Омар кивнул, но в его глазах застыла тревога. Дар — это не только сила, но и проклятие. Хасан страдал от голосов камней. Что ждёт его самого?

Снаружи снова стало тихо. Туман поредел, и сквозь него начали пробиваться лучи заходящего солнца. День клонился к вечеру. Омар помог Эльдару устроиться поудобнее, сам сел у входа, положив лук на колени.

— Ты поспи, — сказал он. — Я покараулю. Если что, я теперь могу и крикнуть.

Эльдар слабо улыбнулся и закрыл глаза.

А Омар смотрел в темнеющее небо, где уже зажигались первые звёзды, и думал о том, что ждёт их впереди. Где-то там, в глубине леса, идут к Кемалю Аслан, Самира и Хасан. Им тоже нужна помощь. Но пока его место здесь — охранять раненого товарища.

Вой ункаев, доносившийся издалека, напомнил, что покой обманчив. Вожак с красным глазом, уцелевший в битве, не успокоится. Он вернётся. И тогда Омару снова придётся использовать свой дар. Готов ли он к этому? Ответа не было. Только тишина леса, полная скрытых угроз, и ровное дыхание спящего Эльдара.

Ночь обещала быть долгой.

ГЛАВА 9

ПЕЩЕРА ЭМЕГЕНА

После того, как Омар и Эльдар остались у Камня Предков, Аслан, Самира и Хасан углубились в лес. Туман, к счастью, начал редеть, и вскоре они смогли различать тропу более-менее отчетливо. Хасан, хоть и был бледен после видения, шёл уверенно, ведомый чутьём, которое давали ему камни. Точнее, теперь он больше полагался на ветер и на слабый, едва уловимый зов, исходивший от амулета, данного Кемалем.

— Кемаль близко, — сказал он, останавливаясь на мгновение. — Я чувствую его... не как камень, а как тепло. Живое тепло.

— Сколько ещё идти? — спросила Самира, чувствуя, как ноги начинают подкашиваться от усталости.

— К закату должны выйти, — ответил Аслан, поглядывая на небо, где сквозь редкие просветы в листве угадывалось багровое зарево заката. — Если ничего не случится.

Но в этом лесу ничего не случилось просто так. Не успел он договорить, как Хасан резко остановился, выставив руку вперёд. Его серебряные глаза расширились, засветившись ярче.

— Стойте, — прошептал он. — Впереди... что-то огромное. Оно спит, но... его сны такие тяжёлые, что камни дрожат.

— Эмеген? — Аслан мгновенно выхватил меч. — Где?

— Прямо под нами. И впереди, — Хасан указал на скалистый склон, поросший мхом, который возвышался прямо перед ними. — Там вход. В пещеру. И великан внутри.

Они подошли ближе. Действительно, в скале зияло тёмное отверстие, напоминающее вход в пещеру. Изнутри тянуло холодом и сыростью, но также и странным, ритмичным гудением — словно где-то глубоко в недрах горы билось гигантское сердце.

— Нам нужно обойти, — сказал Аслан. — Найдём другой путь.

— Нет, — покачал головой Хасан. — Это единственный путь. За этой скалой — седловина, а за ней — долина, где живёт Кемаль. Обход займёт не меньше двух дней. У нас нет столько времени.

— Значит, идём через пещеру? — Самира почувствовала, как холодок пробежал по спине. — Мимо спящего великана?

— Тихо, — кивнул Аслан. — Очень тихо. Если разбудим — смерть. Эмегены не прощают вторжения. Говорят, они могут раздавить человека одним пальцем, даже не заметив.

— Я попробую успокоить камни, — сказал Хасан. — Чтобы они не выдали нас. Но вы должны идти буквально по моим следам. Ни звука.

Он первым шагнул в темноту пещеры. Самаира и Аслан последовали за ним, стараясь ступать как можно осторожнее. Внутри было почти непроглядно черно, только слабый свет от браслета Самаиры да мерцание глаз Хасана позволяли различать очертания.

Пещера оказалась огромной. Своды терялись где-то высоко, в тьме. Сталактиты свисали с потолка, похожие на гигантские зубы. Воздух был спёртым, пахло сыростью, плесенью и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным запахом, который Самаира не могла опознать.

Ритмичное гудение усиливалось с каждым шагом. Теперь оно было похоже на дыхание — глубокое, медленное, могучее. Оно сотрясало стены, заставляя мелкие камешки осыпаться с потолка.

Они прошли около сотни шагов, когда Хасан вдруг замер, прижавшись к стене. Самаира и Аслан застыли, не смея дышать.

Перед ними открылось невообразимое зрелище. В гигантском подземном зале, уходящем в бесконечность, лежал ОН. Эмеген.

Он был не просто великаном — он был ГОРОЙ. Его тело, сложенное из камня и скальной породы, занимало почти всё пространство. Голова, похожая на огромный валун, покоилась на сложенных руках-скалах. Глаза были закрыты, но даже сквозь веки пробивался тусклый, красноватый свет. Из рта, больше похожего на расщелину в скале, вырывалось мерное дыхание, которое и создавало тот самый гул. Каждая часть его тела была покрыта мхом, лишайником, мелкими деревцами, что успели вырасти за века его сна. Он был частью самой горы, её душой и её проклятием.

Рядом с ним, прямо на его каменной ладони, лежал ворох костей — останки тех, кто когда-то осмелился потревожить его покой.

— Боже... — выдохнула Самаира, но Аслан зажал ей рот рукой.

— Тсс, — прошептал он. — Медленно, шаг за шагом. Идём вдоль стены. Хасан, веди.

Хасан кивнул и двинулся вперёд, буквально скользя вдоль каменной стены. Самаира и Аслан следовали за ним, стараясь ступать туда же, куда ступал он. Каждый шаг давался с невероятным трудом — ноги вязли в мягком мху, мелкие камешки норовили выскользнуть из-под подошвы, и любой неосторожный звук грозил разбудить чудовище.

Они обходили его уже полчаса, когда Самаира почувствовала, как браслет на её руке вдруг нагрелся сильнее. Синий песок внутри заволновался, закрутился быстрее. И в тот же миг Эмеген вздохнул. Глубоко, сильно, так, что стены содрогнулись, и с потолка посыпался град мелких камней. Один из них, размером с кулак, упал прямо перед Самаирой, гулко стукнув о каменный пол.

Звук эхом прокатился по пещере. Великан пошевелился. Его рука, та самая, на которой лежали кости, дёрнулась, пальцы, похожие на стволы вековых деревьев, сжались в кулак. Кости хрустнули, превращаясь в пыль.

— Замри! — одними губами приказал Аслан.

Все трое замерли, прижавшись к стене. Браслет Самиры продолжал пульсировать, и она, зажав его другой рукой, пыталась унять дрожь. Хасан закрыл глаза, его губы беззвучно шевелились — он обращался к камням, просил их успокоить великана.

Эмеген издал низкий, утробный звук, похожий на стон. Его веки дрогнули, приоткрылись, и из-под них хлынул красноватый свет, осветивший пещеру, как заходящее солнце. Огромный, размером с блюдо, зрачок повернулся в их сторону. Самира увидела в нём отражение своего ужаса.

Мгновение длилось вечность. Великан смотрел прямо на них, но, казалось, не видел. Его сознание было затуманено сном, видениями, которым он не мог противостоять. Хасан усилил шёпот, и вдруг каменное лицо Эмегена расслабилось. Веки медленно опустились, и он снова замер, погрузившись в дремоту.

Аслан выдохнул, но не позволил себе расслабиться. Он сделал знак рукой — продолжать движение. Они крались ещё долго, обходя гигантскую тушу, пока наконец не достигли противоположного выхода из пещеры — узкой расщелины, в которой едва мог пройти человек.

Когда последний из них, Аслан, протиснулся в щель, пещера снова содрогнулась. Эмеген вздохнул во сне, и мощный поток воздуха едва не сбил их с ног. Но они были уже снаружи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.